

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТИОХ
КАНТЕМИР

DUBIA

Сатира IX

На состояние сего света

К солнцу



IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - МЮНХЕН 2004

Печатается по изданию:

Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956.
Большая серия библиотеки поэта. Стр. 181-189.

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2004
<http://www.imwerden.de>

DUBIA

САТИРА IX

НА СОСТОЯНИЕ СЕГО СВЕТА
К СОЛНЦУ

1 Солнце! Хотя существо твое столь есть чудно,
Что ему в век довольно удивиться трудно —
В чем нам и свидетельство древни показали,
Когда тебя за бога чрез то почитали, —
5 Однако мог бы я то признать несомненно,
Что было б ты в дивности твоей переменно,
Если б ты в себе живость и чувства имело,
Чем бы могло всякое в свете познать дело.
Буде б честь от нас богу ты узнать желало —
10 В-первых, бы суеверий бездну тут сыскало.
Мужик, который соху оставил недавно,
Аза в глаза не знает и болтнуть исправно,
А прислушайся, что врет и что его вздоры!
Ведь не то, как на Волге разбивают воры.
15 Да что ж? Он ти воротит богословски речи:
Какие пред иконы должно ставить свечи,
Что теперь в церквах вошло старине противно;
Как брадобритье терпит бог, то ему дивно.
20 На что, баает, библию отдают в печати,
Котору христианам больно грешно знати?
Вон иной, зачитавшись, да ереси сеет;
Говорит: «Не грешен тот, кто бороду бреет».
Парики — уж всяк знает, что дьявольско дело,
25 А он, что то не грешно, одно спорит смело;
Платье немецко носит, да притом манжеты;
Кто их назовет добром? все — адски приметы;
А таки сказуют, что то не противно богу.
Ох! как страшно и слышать таку хулу многу!
Все ж то се нет ничего; вон услышишь новый
30 От него тверд документ, давно уж готовый.
«Как, — говорит, — библию не грешно читати,
Что она вся держится на жидовской стати?
Вон де за то одного и сожгли недавно,
Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно.
35 Ой нет, надо библии отбегать как можно,
Бо, зачитавшись в ней, пропадешь безбожно.

Есть и без нея что честь, лишь была б охота,
Вот, полно, мне мешает домашня забота,
А то б я купил книгу, котору, не знаю
40 Какой, пустынный писал, да Семик быть, чаю.
Так то-то уже книга, что аж уши вянут,
Как было грамотники у нас читать станут!
Там писано, как земля четырьмя китами
Стоит, которы ее подперли спинами;
45 Сколько Солнце всякий день миллионов ходит,
И где оно в палаты в отдышку заходит;
Как в нынешнее время не будут являться
Святцы и богатыри; что люди мерзятся
Брадобритием и всем бусурманским нравом,
50 Не ходят в старом отцов предании правом.
Все там есть о старине. С мала до велика
Сказать мне все подробну не станет языка».
Все ж то се еще сошник плесь безмозгло смеет;
Все врет, хоть слова складно молвить не сумеет.
55 Кто ж опишет которы по грамоте бродят?
Те-то суеверие все в народе родят;
От сих безмозглых голов родятся расколы;
Всякий простонародный в них корень крамолы;
Что же пьянство, то у них в самом живом цвете.
60 Тая-то вещь им мнится всех святейша в свете.
Ну-тко скажи такому, что всяк день воскресный
Не в пьянстве должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше б в учениях церковных медлети,
Неж на кабаках пьяным бесчинно шумети, —
65 То уж он ти понесет представлять резоны,
Что с ума тя собьет, хоть ты как будь ученый.
Выймет тебе с сундука тетради цвелье,
Предложит истории все сполна святые,
Не минет и своего отца Аввакума —
70 Так его запальчивость тут возьмет угрюма.
И тотчас, те предложив, начнет уличати:
«Грешно-де весь день будет богу докучати;
Смотри, что истории в себе заключают:
Ведь и в небе обедни в часы отпевают,
75 А не весь день по-вашему в молитве трудятся;
Отпев час урочный там, с богом веселятся».
Сей-то муж в философии живет ненарушно:
Признают то пьяницы все единодушно;
Сей и Аристотелю не больно уступит,
80 Паче когда к мудрости вина кружку купит.
Да что ж сим дивиться? Вон на пастырей взглянем,
Так тут-то уже разве, дивясь, устанем;
Хочет ли кто божьих слов в церкви поучиться
От пастыря, то я в том готов поручиться,
85 Что, ходя в церковь, не раз потом оболъется,
А чуть ли о том от них и слова добъется.

Если ж бы он подошел к попу на кружало,
То уж там одних ушей будет ему мало,
Не переслушаешь речь его медоточну:
90 Опишет он там кругом церковь всю восточну.
Да как? Не учением ведь здравым и умным,
Но суеверным мозгом своим, с вина шумным,
Плетет тут без рассмотру и без стыда враки;
В-первых, как он искусен все совершать браки,
95 Сколько раз коло стола обводити знает
И какой стих за всяким ходом припевает.
То, все это рассказав, станет поучати,
Как с честью его руку должно целовати.
«Не знаю, — говорит, — как те люди спасутся,
100 Что давать нам на церковь и с деньгами жмутся.
Ведь вот не с добра моя в заплатках-де ряса;
Вон дома на завтра нет купить на что мяса;
Все-де чорт склонил людей и с немцами знаться.
105 О, проклятые! Зачем нас дарить скупаются?
Как такие исцелят души своей раны,
Что не трепещут смело знаться с бусурманы?
Каки б они ни были, да только не русски;
Надобно б их отбегать: уж в них путь не узкий,
Но широкие врата к пагубе доводят,
110 Они ж, несмотря на то, смело туда входят!
А нам-де уже затем пересеклась дача,
И с просфирами, увы! бедств, достойных плача!»
Но ежели те речи поверстать бы в дело,
То б казанье написал с залишком всецело.
115 Как же, на таких смотря, уж простолюдины
К заблуждению себе не возьмут причины?
Все ж то это мелкоту я здесь предлагаю,
Которую по силе могу знать и знаю;
Высших же рассуждений чрезмерну примету
120 О боге суеверий списать силы столько нету.
Такие-то виды суть нашей к богу чести,
Не поминая чудес притворных и лести.
Не думай же, что все тут; нет тысячной части:
Списать то все как надо — в обмороке пасти.
125 Довольно и сих тебе я собрал к примеру.
Еще мало посмотрим нашу к властям веру.
Смотри: купец украшен в пояс бороною,
В святом и платье ходит, только не с клюкою,
Во всем правдив, набожен: придет до иконы —
130 Пол весь заставит дрожать, как кладет поклоны!
И чаял бы ты, что он весь в правости важен;
Погляди ж завтра аж где? — Уж в тюрьме посажен.
Спросишь: «За что тут муж сидит святой и старый?» —
Воровством без пошлины провозил товары.
135 Этакой святец! Вот что делает, безгрешный!
К богу лицемер, к власти вор и хищник спешный!

Да что ж над сим дивиться, сей обычной моды?
Вон дивись, как учений заводят заводы:
Строят безмерным коштом тут палаты славны,
140 Славят, что учения будут тамо главны;
Тщатся хотя именем умножить к ним чести
(Коли не делом); пишут печатные вести:
«Вот завтра учения высоки зачнутся,
Вот уж и учителя заморски сберутся:
145 Пусть как можно скоро всяк о себе радеет,
Кто оных обучаться охоту имеет».
Иной бедный, кто сердцем учиться желает,
Всеми силами к тому скоро поспешает,
А пришел — комплиментов увидит немало,
150 Высоких же наук там стены не бывало.
А деньги хоть точатся тут бесперерывно,
Так комплиментов много с них — то и не дивно.
Где если то мне о сем все сполна писати,
То книгу превелику надобно сшивати.
155 Полно, и так можно знать, как то сего много;
Добра мало, а полно во всем свете злого.
Смотри, и летописцы ведь толсты не даром,
Все почти нагружены этим же товаром.
Что ж уж сказать о нашем житье межусобном?
160 Как мы живем друг к другу в всяком деле злобном?
Тут глаза потемнеют, голова вкруг ходит,
Рука с пером от жалю как курица бродит.
Грозят нам права земски, но бог правосудный —
Чтоб богатый не был прав, а обижен скудный,
165 Не судило б нас серебро, но правда святая,
Винным казнь, а правым милость подавая.
Мы ж то помним и знаем, как серебра не видим,
И клянемся богу, что бедных не обидим,
Но в правости все будем о душах радети,
170 А на лица и серебро не станем смотрети.
Когда ж несут подарки, где золото блистает,
То вся та мысль за сто верст от нас отбегает.
Где божий и земский страх? Даром наши души,
Как звонят серебряным колокольцем в уши;
175 Подъячий ходит сух, худ, лишь кожа да кости,
Ведь не с труда ссох — с коварств да завистой злости,
Что ему не удастся драть так, как другому;
Нет чем жену потешить, как придет до дому;
Лучше б он изволил тут смерть перетерпети,
180 Нежель над чиим делом без взятки сидети.
Вон иному, хоть деньги он с казны считает,
А не взять ему гривны — душа смертно тает.
Так-то мы милостивы, к бедным правосуды:
Выше душ ставим деньги, не плоше Иуды.
185 Что ж когда еще глубже мы в свет сей заглянем?
Везде без удовольствия удивляться станем.

Философ деревенский оброс сединами,
Сладкими рассуждает о свете речами.
«Как, — говорит он, — теперь чорт показал моду
190 Грех велик творить, то есть табак пить народу,
От которого весь ум человек темнеет
И мозг в голове весьма из дня на день тлеет;
Уж мы-де таких много образцов видали,
Что многие из того люди пропадали».
195 То он же обличает в людях моду грубу,
А себе четвериком сам валит за губу.
Так-то людей осуждать мы тотчас готовы,
Людей видим больных, а сами не здоровы:
Так вот иной хвастает, что славы не любит,
200 А сам за самое то с света людей губит;
Говорит: лицемерство ему неприятно,
А самим делом держать то внушает внятно.
Теперь в свете сем буде кто пожить желает,
Пускай правды далеко во всем отбегает.
205 Инако бо нельзя двум господам служитье,
Нельзя богу и свету вместе угодити.
Так-то сей свет состоит, так всем злым причастный,
Всех бедств, мерзостей полон, во всем суестрастный.
Еще ж то тут у нас нет миллионной доли,
210 Ибо тое все списать нет силы и воли.
Что ж, Солнце? Погрешил ли я, так рассуждая,
Что если б ощущало ты в свете вся злая,
По-человечески бы могло премениться.
И, право, не престану я о сем дивиться,
215 Как так ти дана воля сиять терпеливно
На нас бедных, столь богу живущих противно.
Больше с удивления не могу писати,
И хоть не в пору, да уж принужден кончати.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Писана сия сатира 1738 году месяца июля в последних числах, которую сатирик в немощи своей в забаву себе сочинил, рассуждая бедность человеческую, которой и он немало причастия имел; и понеже о состоянии света оную писал, то избрал речь оную положить к Солнцу, как к всесветному светилу прилично. Совершив он сю сатиру, с покорнейшим своим прошением вручил оную одному из чистосердечных и весьма доброжелательных приятелей своих к исправлению, не довольствуясь, по обычаю безмозглых, но высокоумительных в себе голов, своим скудным рассуждением. Говорит он к Солнцу, что (мнит он) если бы оно было в чувствах, то есть, чтоб могло разуметь, видеть, рассуждать, слышать, чувствовать и прочая, то, по человеческой напротивно их себе злобы, должно бы ему, конечно, своим сиянием, на наши всезлейшие и противнейшие смотря, премениться, понеже так весь свет наполнен гнусными действиями, что богу мерзкий и противный властям, неверный и хищный, да сверх того и самому себе вреден, на что он разные примеры представляет.

Ст. 11 *Мужик, который*. Сей пример о суевериях, от безмозглых голов мужичьих пахарских происходящих, весь не выдуман, по обычаю поэтическому, но многократно слышан был от таких суеверцев.

Ст. 17. *Что теперь в церквах вошло*. Всегда такие безумные головы и о великих вещах рассуждать смеют, а наипаче где что не по-старому делается, — что автор довольно приметил, живучи между ними.

Ст. 18. *Как брадобритье*. Брадобритие мерзостнее всего ставят пред богом за несносный грех глупцы.

Ст. 21. *Вон иной, зачитавшись*. Мужики глупые, которые старины держатся, отнюдь ничего не ведая и брадобритие, парики, платье немецкое и проч. в погибель людей крайнюю ставя, думают и утверждают на том, что сии мнимые им ереси все происходят от тех, которые библию читают; а если спросишь его: что — библия, то он, никогда истины ея не ведаючи, скажет, что сказывало ему, будто какие тетрадки, от жидов написанные. Не раз автор сердцем сокрушался, на толь безумные, но у них твердые суеверия смотря.

Ст. 29. *Все ж то се нет ничего*. Сим стихом автор говорит, что прежние суеверные речи не столь еще важны, как следующие, ст. 16 и проч.

Ст. 33. *Вон де за то*. В Санктпетербурге 1738 году месяца июля в средних числах сожжен, по уложениям блаженныя памяти российских государей, бывший морского флоту капитан за то, что принял жидовскую веру и так крепко на оной утвердился, что, не смотря правды, упрямством своим в страшном на спасителя нашего Христа хулении погиб; который случай безмозгим невеждам немалую причину подал сомневаться о библии, когда они слышат, что жида ветхого закона держатся. О, как безумные и дерзкие невежды! Причина ли библия святая дьявольского того орудия погибели?

Ст. 37. *Есть и без нея*. Подлинно, что бездельные тетради глупых дьячков лучше мужики почитают, неж святое что.

Ст. 40. *Да Семик, чаю*. Семик, после прежнего идолопоклонничества оставшийся богомерзкий праздник, и до сих пор от суеверных простаков с великою честью празднуется. Собираются тогда обоего пола особы, а наипаче в глупости застарелые, и поют на имени идолов сочиненные бесовские песни, напившись допьяна; между тем, вырубив березку, различных цветов лоскутками, лентами и платками убирают и потом весь день с гудками и скверными песнями коло ея скачут и танцуют, а по нескольких днях, опять собрався, с гудками и превеликим шумом песней оную березку относят к реке и на воду пускают с какими приговорами напоследок. Оные суеверцы признают, что этого праздника имя взято с некоторого святого пустытника, которому имя было Семик.

Ст. 43. *Там писано.* Сии все речи неоднократно произносили суеверные головы, философствуя, как то Земля состоит и на чем и совершенно утверждают, что Земля есть девица чистая и непорочная и стоит она на спинах четырех китов.

Ст. 45. *Сколько Солнце.* Помянутые пустые головы суеверных (буди достойно их назвать) философов доказывают, что Солнце святое есть девица ж непорочная, живая и чувственная, и что оно когда заходит, то в своих палатах через ночь отдыхает, понеже несколько, не упомню, скажут они, миллионов миль ходит в день по учению Семикову.

Ст. 47. *Как в нынешнее.* Все староверцы утверждают, что теперь ни святцам, ни богатырям явления не будет, понеже люди омерзались брадобритием и платьем немецким.

Ст. 69. *Не минет и своего.* Аввакум, первый раскол затаешик, самая безмозгая, буйная и упрямая голова был, от которого великие хулы на православную веру произошли, за что он по указам казнь достойную приняв, но в раскольников в святых есть.

Ст. 72. *Грешно-де весь день.* Случилось автору видеть об этом глупцов тетрадки, где написано, что некоторый пастух слышал, до коих мест в небе обедня правится.

Ст. 93. *Плетет тут без рассматру.* Удивительная вещь, как <Россия> этим несчастлива, что пастыри в ней больше к пьянству и суеверию, нежели к поучению и поощрению добродетельному, людем угодны суть. В сем стихе хотя не кажется суеверие, однако многие суть помянутые здесь у всех почти на примете, а и кроме того: не надлежало бы священству на кабаках пред простым народом к соблазну пустое врать и балы точить. Но не вообще о всех тут помянуто: суть бо некоторые благочестивые и постоянные, которых, как истинных отцов своих, почитать и славить должны.

Ст. 107. *Каки б они.* Весьма бы то здоровое учение было, если б он учил веры бусурманской отбегать; но то беда, что он вообще учит их не любить, каковы б они ни были, а должность пастырская первая — то, что, умножая по закону божию братолюбие, должно проповедывать, что не должно за то ненавидеть людей, что они иностранны, но надлежит смотреть на их нрав, рассуждая то, что за всякого в свете человека кровь свою проливал Христос; и правда, буди возможно, надобно бы их приводить к познанию истины, если же невозможно — иным в злочестие не сообщая, а их Христа ради любить; они за себя ответ свой богу воздадут, а христианин в любви ближнего пред богом чист будет.

Ст. 108. *Путь не узкий.* Обычно пьяным людям Священное писание все употребляют; так пьяница, когда принимает от целовальника стакан с вином, говорит: «Чашу спасения прииму»; когда выходит вон с кабака, говорит: «Изыдите, винограда делателие», и проч. без числа.

Ст. 120. *О боге суеверий.* Подлинно, так того много, что все то описать нет силы, ибо и слышать страшно.

Ст. 122. *Не поминая чудес.* Много было и того в свете, что в прельщение народа претворяли чудеса из духовного чину, чем от иностранных народов и на истинные немало навели пороков богопротивные сии лестцы.

Ст. 123. *Не думай же.* Автор говорит к Солнцу, что еще суеверий народных и священных не показал он и тысячной части, представляя тому доказательство, что если все тое подробно описывать, то надобно разве в обморок впасти ради бесчисленного их множества.

Ст. 155. *Как то сего много.* То есть неверности к властям нашим.

Ст. 157. *Смотри, и летописцы.* Правда, что в летописцах большая половина написано содержится о измене и всяких неверностях к властям, то есть государям нашим, в прежни времена бывших.

Ст. 159. *Что ж уж сказать.* Автор, смотря на наши междоусобные бездельные действия, не знает, что писать и что опустить, понеже неизмеримы суть.

Ст. 174. *Как звонят.* Звонит серебряным колокольцем в уши — есть фразес русская, то есть давать деньги.

Ст. 206. *Нельзя богу и свету.* Христос, спаситель наш, сказал в Евангелии: не можете работать богу и мамоне; а автор сей сатиры переменял, вместо мамоны свету написал, которо все едину силу имеет; ибо мамона, по разумению святых особ, дьявол толкуется, а дьявол со всем своим угодием и орудием противен богу; дела ж световые, которые от света, а не от бога, угодны дьяволу, убо дьявол и свет, по дьявольскому угождению, противен богу; итак, все злые дела света к дьяволу, яко начальнику и корени тех, воспитывать должно.